

УДК 379.4(С18)

Музейное строительство Евгения Ячменева

Т. А. Перцева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена научно-исследовательской деятельности директора Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов Е. А. Ячменева (1957–2008) по атрибуции помещений в доме Волконских.

Ключевые слова: Е. А. Ячменев, музей, декабристы, Волконские, Трубецкие, атрибуция, научная концепция, экспозиция.

Принято считать, что работники музеев – люди особого склада. Пожалуй, с этим можно согласиться, особенно если учитывать, сколь мало на долю большинства из них приходится внимания и благодарности и со стороны государства, и со стороны общества. Именно к таким людям, безусловно, относился и Евгений Александрович Ячменев.

Он родился в семье потомственных иркутских интеллигентов. От матери, Любови Григорьевны, долгое время проработавшей в библиотеке, он унаследовал любовь к русской литературе и интерес к эпохе великого Пушкина. Отец, Александр Иванович, участник Великой Отечественной войны, сумел внушить ему понятия о чести и долге, верности данному слову и сострадании ближнему.

Разносторонность интересов и способностей Евгения Александровича проявилась достаточно рано: в школьные и студенческие годы он активно занимался музыкой, участвовал в спектаклях театра-студии «Юность» при Дворце пионеров. Эти его увлечения и предопределили судьбу. Еще в 1977 г. тогдашняя заведующая музеем декабристов Т. В. Налетова в беседе с корреспондентом «Советской молодежи» рассказывала: «Женя Ячменев <...> пришел к нам лет пять назад. Сначала просто на экскурсию. Понравилось, пришел еще. Начал изучать экспозицию, заинтересовался и до сих пор приходит, хотя уже стал студентом». Возникший интерес к декабристам во многом углубил и разнообразил его музыкальные пристрастия. Преподаватели музыкального факультета педагогического института, где Евгений Александрович получил первое высшее образование, уже тогда обратили внимание на стремление студента не только к технически правильному исполнению произведений, но и к передаче духа времени, особенностей интерпретаций, характерных для декабристской эпохи.

После окончания института и службы в армии Е. А. Ячменев несколько лет проработал концертмейстером в Иркутском Дворце пионеров. Но присущие ему любознательность и желание расширить свой кругозор заставляли попробовать себя на новом поприще и в конце концов привели на исторический факультет Иркутского университета. Знакомство со старейшим в Иркутске декабристоведем Семеном Федоровичем Ковалем способствовало окончательному выбору, позволившему совместить и любовь к музыке, и интерес к декабристам.

В 1983 г. Е. А. Ячменев был назначен директором Иркутского музея декабристов (до 2000 г. – отдел областного краеведческого музея). Именно на его плечи легли основные заботы по завершению реставрации и строительству экспозиции в доме Волконских. Стремление к исторической достоверности заставляло его никогда не прекращать поиски и добиваться максимального приближения к первоначальному облику домов декабристов. Полученный в результате таких историко-строительных работ опыт пригодился ему и в дальнейшем. В теоретическом плане он нашел воплощение в его кандидатской диссертации «Историко-мемориальный музей: Проблемы формирования коллекции и создания научной концепции экспозиции (на примере Иркутского музея декабристов)». И завершенная в прошлый юбилейный год реставрация дома Трубецких стала также во многом результатом его усилий.

Всегда пользовавшийся большим уважением жителей и гостей областного города, под руководством Ячменева музей стал настоящим научным и культурным центром. В 2000 и 2006 г. были проведены всероссийские научные конференции, посвященные проблемам декабристоведения, получившие высокую оценку специалистов-историков. С 1999 г. музей ежегодно проводил региональные декабристские конференции школьников, а с 2003 г. – студенческие. Высокий уровень проведения конференций, внимательное и уважительное отношение к юным исследователям, безусловно, способствовали формированию у них чувства патриотизма, уважения к прошлому своей страны. Большое внимание Евгений Александрович уделял именно работе с молодежью, придумывая вместе с сотрудниками новые формы воздействия на умы и души юных посетителей музея: тематические экскурсии, экскурсии с элементами этикета, интегрированные уроки, детские балы и пр. Даже конюшня усадьбы Волконских, спасенная от пожара в 2003 г. сотрудниками музея, возглавляемыми директором, благодаря сотрудничеству с Центром иппотерапии Благотворительного фонда Тихомировых стала центром не только спортивных и лечебных занятий, но и красочных ярких праздников в день рождения А. С. Пушкина.

Своим интересом и искренним энтузиазмом он заражал не только детей, но и серьезных деловых людей. Иркутский алюминиевый завод, ОАО «Корпорация «Иркут», Иркутскэнерго, Байкальский банк Сбербанка России и многие другие предприятия и организации города и области не просто числились «друзьями музея», но с большим вниманием относились к его нуждам и проблемам. Благодаря работе Е. А. Ячменева с меценатами стало возможно значительно увеличить коллекцию подлинных вещей XIX в., в том числе де-

кабристских реликвий, выпустить в свет новые тома серии «Полярная звезда» и первую научную биографию С. Г. Волконского, написанную петербургской исследовательницей Н. Ф. Караш.

Имея базовое образование историка и музыканта, Е. А. Ячменев творчески развил идею литературных и музыкальных салонов, ставших школой эстетического и нравственного воспитания молодежи и повышения общего культурного уровня населения. Хорошее знание исторического материала позволяло ему выстраивать безупречно логические и вместе с тем волнующе-эмоциональные программы, посвященные творчеству поэтов, писателей, музыкантов – современников декабристов. А личное участие директора в музыкальных и литературных вечерах и спектаклях «Домашнего театра Волконских» неизменно вызывало удивление и восторг посетителей. Несомненные способности, проявленные Ячменевым на любительской сцене, открыли ему дорогу и на профессиональную: его пригласили в спектакли «Наш господин Чичиков» и «Сны Ермолая Лопухина» в Иркутский драматический театр.

Его убежденность, что и в наше время еще можно найти нечто новое (или, правильнее сказать, утерянное старое) порой приводила к неожиданным открытиям. Так, в доме Волконских были представлены фрагменты незаконченной оперы Беллини «Элизабет, или дочь ссыльного», задуманной итальянским маэстро под влиянием слухов о судьбе декабристов. Прослышав о ней в Париже, Евгений Александрович несколько лет потратил на поиски партитуры и, наконец, с помощью дочери О. Ф. Розовой, живущей в Англии, отыскал ее копию в архивах знаменитого «Ковент-гардена».

Однако его энергии хватало не только на деятельность в музее, с 1985 г. Е. А. Ячменев – активный участник областного фестиваля «Декабристские вечера», а с 2001 г. – председатель его оргкомитета. И хотя в последние годы это культурное начинание иркутской общественности, как, впрочем, и многие другие, испытывало определенные трудности, он стремился познакомить с программами фестиваля не только иркутян, но и жителей Ангарска, Шелехова, Усольского, Чермховского, Иркутско-сельского районов, а также «декабристских» сел – Олонок, Урика, Усть-Куды, Бельска.

В 1991 г. Евгений Александрович заочно окончил исторический факультет Иркутского университета. Избранная им тема дипломной работы по формированию коллекции музея декабристов переросла впоследствии в кандидатскую диссертацию «Историко-мемориальный музей: Проблемы формирования коллекции и создания научной концепции экспозиции (на примере Иркутского музея декабристов)». Защита диссертации состоялась 24 июня 2006 г. в Санкт-Петербургском государственном университете.

Свою диссертацию активный директор провинциального музея писал более десяти лет, откладывая защиту не только из-за нехватки времени и постоянной «текучки», но и потому, что все время искал подтверждения своим догадкам и логическим умопостроениям. Не случайно список использованных им в работе источников и литературы насчитывает около 300 наименований. И если он, например, включает в предлагаемую им постоянную экспозицию музыкальные инструменты, то не ограничивается их названиями и ис-

торией появления в семействе Волконских, но разбирает их достоинства и недостатки, особенности звучания в условиях именно этого помещения. При этом он опирается как на свидетельства людей, слышавших их в позапрошлом веке, так и на мнение современных специалистов, как отечественных, так и зарубежных.

Диссертационное сочинение Ячменева представляет собой своеобразный сплав исторического, искусствоведческого, музееведческого, культурологического, отчасти даже психологического исследования. Автор демонстрирует глубокое понимание психологии людей пушкинской эпохи, особенностей идейных, этических и эстетических убеждений, проявлявшихся как в общественных делах и поступках, так и в повседневном поведении и устройстве своего быта.

Ценность проделанной Е. А. Ячменевым работы заключается не только (а может быть, и не столько) во введении в научный оборот большого массива новых документальных и историографических источников, но в том, что его диссертация позволяет читателю увидеть логику размышлений автора, мотивы и причины, приводящие его к таким выводам и утверждениям. Знакомство с такой «кухней» исследовательской работы может оказаться весьма полезным и молодым историкам, и начинающим музейщикам.

Приложение

Дом Волконских:

Назначение комнат, интерьеры и экстерьер¹

Основополагающее значение для построения экспозиции и выработки экскурсионного маршрута в мемориальном здании имеет документально достоверное определение назначения комнат [20, с. 67].

Известные опубликованные описания дома Волконских носят общий характер. Современников поражала «барская роскошь дома» [1, с. 263], когда Волконские в 1844–1846 гг. жили в Иркутске у купца Е. А. Кузнецова и «в новом выстроенном ими доме <...>, красивом снаружи, хотя и деревянном, и богато убранном внутри» [1, с. 298].

Не намного конкретней воспоминания писателя И. А. Гончарова о том, что дома декабристов в Иркутске и, в частности, дом Волконских «внутри сложены из бревен, с паклей в пазах и тому подобное» [4, с. 494].

Действительно, в интерьерах дома Волконских открытые бревенчатые поверхности стен можно видеть при парадном входе, на черной лестнице и на веранде «зимнего сада».

Чиновник Б. В. Струве указывал, что С. Г. Волконский и С. П. Трубецкой в Иркутске «проживали в своих домах, <...>, просторных и роскошно убран-

---

¹ Данная публикация является параграфом из второй главы кандидатской диссертации Е. А. Ячменева, которая позволяет проследить логику размышлений ученого и понять замысел построения музейной экспозиции.

ных по образцу лучших столичных барских домов, соответственно тем большим средствам, которые жены этих государственных преступников получали из Москвы и Петербурга» [13, с. 185].

В процессе реставрации на основании изучения планов дома после его перестройки в 1860-х гг. и данных натуральных археологических исследований архитекторами-реставраторами Л. С. Васильевым и Е. Ю. Барановским первоначальная планировка дома была восстановлена с довольно высокой степенью научной достоверности. Дальнейшие исследования автора настоящей работы позволили уточнить ряд неясных моментов в архитектуре дома (касательно лестниц, дверных проемов первого и второго этажей, печей, колористического решения интерьеров), собрать дополнительные сведения по усадебным постройкам.

Определение функциональной нагрузки помещений дома стало возможным применительно к восстановленной ныне планировке на основе сопоставления ряда документальных источников, выявленных в различных архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга, не учтенных в проектно-сметной документации на реставрацию дома Волконских. Были привлечены также исследования по истории русского интерьера соответствующего периода.

Приходится только сожалеть, что прямых, подробных описаний комнат, а также их зарисовок до настоящего момента не найдено. Однако сразу же можно отметить, что планировка дома во многом самобытна, порой не подходит под общие типологические каноны архитектуры первой половины XIX в. Это объяснимо тем, что дом строился не по готовому типовому проекту, а из расчета на быт совершенно конкретной семьи с уже сложившимся укладом жизни, неповторимость которого изначально была задана особым положением дворянской (княжеской!) семьи в сибирской ссылке.

В период 1847–1856 гг. в доме жили: М. Н. Волконская, С. Г. Волконский, их сын М. С. Волконский, дочь Е. С. Волконская с мужем Д. В. Молчановым и сыном Сережей, не считая домашней прислуги числом не менее десяти человек, основная часть которой размещалась на усадьбе. Некоторое время гостили декабрист И. И. Пущин (1849), сестра М. Н. Волконской Софья Николаевна Раевская (1850), сестра декабриста Софья Григорьевна Волконская (1854–1855).

Назначение помещений в доме могло меняться в разные годы. В связи с этим обстоятельством для определения функциональной нагрузки комнат была принята крайняя дата – 1856 г., когда после амнистии С. Г. Волконский выезжает из Иркутска последним из членов семьи 23 сентября 1856 г. [3, с. 72].

В письме С. Г. Волконскому из Иркутска от 9 декабря 1856 г. Г. А. Трапезников писал: «По убедительной просьбе Н. В. Буссе я отдал ему переднюю (бильярдную) и кабинет Михаила Сергеевича, <...>» [18, оп. 1, д. 245, л. 3 об.].

Речь идет о сдаче внаем комнат первого этажа и правого крыла, со стороны парадного входа (см. на плане помещения № 1–4). Из них помещения

№ 1 и № 2 подходят под переднюю, но у Волконских она была еще и бильярдной, соединенной с кабинетом М. С. Волконского. Комната № 1 очень узка и не могла быть бильярдной. В глухой комнате № 2, где только три двери и ни одного окна, необходимо постоянное искусственное освещение, что вряд ли было удобно.

Более того. При реставрации в ней были обнаружены следы лестницы на второй этаж при существующей лестничной развязке из парадной и черной лестниц. Мнение архитекторов-реставраторов о том, что в комнате № 2 располагалась только урикская лестница, тогда как лестничная развязка (парадная и черная лестница) была пристроена уже в Иркутске, не совсем верно.

При проведении натуральных исследований перед началом реставрации особняка в 1974 г. архитектор Л. С. Васильев, помимо данных архитектурно-археологического зондажа, опирался на сохранившиеся предания (не всегда достоверные) поздних жильцов.

В результате обследования технического состояния дома Волконских в мае–июне 1974 г. было установлено следующее:

«По-видимому, в 1864–1867 гг. была расширена к востоку задняя часть – прируб с лестницей и балконом во втором этаже. <...> [Позднее] западная из них [частей прируба. – Е. Я.], заключавшая в себе парадную лестницу, и в 1956 г. обращенная в жилье, оштукатурена изнутри. <...>

6. Лестницы и перегородки.

Единственная существующая во втором этаже лестница – поздняя, 30-х гг. нашего века. Утрата первоначальных лестниц – 100 %. Все тесовые перегородки – поздние и подлежат разборке»¹.

Таким образом, из двух лестниц в прирубке дома – так называемой «парадной», со стороны главного входа, и «черной», под дворовым балконом, – к началу реставрации сохранялась только одна «черная»:

«К заднему, дворовому фасаду, примыкает двухэтажная пристройка, в которой размещается современная лестница на второй этаж;<...>»².

Точная дата строительства новой лестницы не была определена. В другом документе Л. С. Васильев указывает на более раннюю, чем 1930-е годы, дату перестройки «черной» лестницы:

«При заселении дома жильцами в 1920-х годах в пристройке, сделанной Хаминовым, устраивается лестница <...>»³.

---

¹ Акт обследования технического состояния памятника архитектуры бывш[ий] дом декабриста [С. Г.] Волконского, 1838–1850-е гг. от «01» июня 1974 г., подписали Л. С. Васильев и Грузных // Предварительные работы. Комплексные научные исследования. Арх. № 4807 [42].

² Васильев Л. В. Пояснительная записка к проекту восстановления. 29 августа 1974 г. // [Васильев Л. С., Барановский Е. Ю.] Историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске». Усадьба декабриста Волконского. Главный дом. Эскизный проект / Спецпроектреставрация. М., 1986. Арх. № 4811. Л. 11 (с. 2) [42].

³ Там же. Л. 14 [42].

Опираясь на данные Л. С. Васильева, архитектор Е. Ю. Барановский, продолживший работы по реставрации дома Волконских, констатировал:

«В 1950-х гг. дом капитально ремонтировался, причем в процессе ремонта были дополнительно перепланированы внутренние помещения, устроены новые печи, уничтожена сохранившаяся до того времени парадная лестница в пристрое, на месте которой были устроены жилые помещения»¹.

Подытоживая собранные сведения, Л. С. Васильев пришел к следующим выводам:

«Эволюция переделок памятника такова. Как указывалось выше, при перевозке и постановке здания на новом месте были внесены изменения в планировку и декоративное убранство дома, с целью придания ему облика respectable городского особняка. Из главных новшеств, касающихся внутренней планировки, следует отметить уничтожение внутренней теплой трехмаршевой лестницы, размещавшейся в среднем, неосвещенном помещении нижнего этажа, к северу от коридора, идущего вдоль заднего (южного) фасада здания; новая парадная лестница с крыльцом была устроена в новой пристройке вдоль западной половины заднего фасада. Новая пристройка в верхней части имела застекленную веранду. Прежняя парадная лестница, имевшая три марша, узкая и крутая, размещалась в среднем прирубе (по центру дворового фасада); с устройством новой лестницы она использовалась как вспомогательная (черная)»².

Отсюда следовали проектные предложения Л. С. Васильева, полностью или частично реализованные в процессе реставрации дома Волконских:

«Внутри восстанавливаются лестницы и уничтоженные капитальные стены и перегородки; <...>.

Дверные и оконные заполнения, косяки и внутренняя обналочка проемов окрашивается масляными белилами. Также окрашивается балясник обеих внутренних лестниц»³.

«Поверхность основного сруба, обращенная внутрь пристроя с парадной лестницей, была, по-видимому, обшита досками; стены нового прируба были выполнены из строганого бруса»⁴.

Е. Ю. Барановский в 1970-х – 1980-х гг. не подвергал сомнению сведения и выводы своего предшественника – Л. С. Васильева, и лишь констатировал во след ему следующее:

---

¹ Барановский Е. Ю. Историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске». Усадьба декабриста Волконского. Научно-реставрационный отчет / Спецпроектреставрация. М., 1986. Арх. № 4843. Л. 15 [42].

² Васильев Л. В. Пояснительная записка к проекту восстановления. 29 августа 1974 г. // [Васильев Л. С., Барановский Е. Ю.] Историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске». Усадьба декабриста Волконского. Главный дом. Эскизный проект / Спецпроектреставрация. М., 1986. Арх. № 4811. Л. 11–12 (с. 2–3) [42].

³ Там же. Л. 15 (с. 6) [42].

⁴ Там же. Л. 12. [42].

«При проведении натурных исследований памятника в 1974 г. были проведены многочисленные зондажи в интерьерах памятника; полученные раскрытия <...> позволили <...> уточнить местоположение парадной и черной лестниц, <...>»¹.

«Для восстановления парадной и черной лестниц имелось достаточно документальных данных натурных исследований. Балясник ограждения был восстановлен с использованием форм балясин, примененных при реставрации дома декабриста Трубецкого (автор – арх. Г. Г. Оранская, ВПНРК, 1970 г.), а также – обнаруженных в памятнике архитектуры 1820-х гг. – доме купца Кузнецова, расположенном поблизости от дома Волконских»².

Итог исследований Л. С. Васильева и Е. Ю. Барановского таков:

1. В доме Волконских в разное время имелось три лестницы;
2. Ни одна из первоначальных лестниц времен Волконских с первого на второй этаж к началу реставрации не сохранилась;
3. Черная лестница в пристрое была устроена на месте первоначальной в 1920-е или 1930-е годы;
4. Парадная лестница в пристрое была устроена Волконскими в Иркутске и уничтожена при капитальном ремонте 1950-х годов;
5. Еще одна лестница, существовавшая в Урике, в три марша, узкая и крутая, была уничтожена Волконскими при переносе дома из Урика в Иркутск, когда была сооружена парадная лестница в пристрое. После этого к бывшей парадной лестнице в пристрое отошли функции черной.

При музеефикации дома Волконских в период 1983–1987 гг. выявлены дополнительные сведения, позволяющие скорректировать первоначальные выводы архитекторов – авторов проекта о местоположении лестничных маршей и, прежде всего, о внутренней теплой трехмаршевой лестнице, размещавшейся в глухом помещении № 2 в центре дома (использовалось как музейный гардероб).

Как следует из поэтажных планов дома Волконских начала XX в., при перестройке дома под нужды Сиропитательно-ремесленной школы в глухом помещении первого этажа на месте бывшей теплой трехмаршевой лестницы разместились «парадный коридор», «умывалка» и «цейх[г]ауз». На втором этаже, соответственно, – «коридор парадный», «кухня смотрителя», «цейх[г]ауз» и «задний коридор» [5, л. 270–271].

Это означает только одно: внутренняя трехмаршевая теплая лестница была уничтожена не Волконскими при переносе дома из Урика в Иркутск в 1847 г., а Хаминовым при перестройке дома под школу в 1864–1868 гг.

---

¹ Барановский Е. Ю. Историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске». Усадьба декабриста Волконского. Научно-реставрационный отчет / Спецпроектреставрация. М., 1986. Арх. № 4843. Л. 15.

² Там же. Л. 15 [42].

Следовательно, и новая (парадная) лестница на второй этаж появилась не при Волконских, а при последующих хозяевах дома. Расположение теплой внутренней трехмаршевой лестницы, следы которой сохраняются в межэтажных перекрытиях глухой комнаты первого этажа, полностью соответствует типологии времени, начиная с конца XVIII в.: «Лестницы, которые вели наверх, были очень скромными по размерам и оформлению, ступеньки делались крутыми и освещались плохо» [2, с. 208].

Таким образом, выявленные в процессе научно-исследовательской работы дополнительные данные позволили заключить следующее:

1. Теплая внутренняя трехмаршевая лестница существовала весь период, когда в доме жила семья Волконских, и была уничтожена при перестройках дома Хаминовым в 1864–1867 гг.;

2. Так называемая парадная лестница, существовавшая до капитального ремонта 1950-х гг., появилась в доме в период функционирования Сиропитательно-ремесленной школы (1864–1911).

В этой связи музей предложил архитектору Е. Ю. Барановскому вернуться к вопросу о парадной лестнице при послеосадочном ремонте дома Волконских (1987–1989).

В октябре 1988 г. Е. Ю. Барановский провел дополнительный архитектурно-археологический зондаж в межэтажном пространстве между полом второго и потолком первого этажа. Им были обнаружены следы теплой внутренней лестницы, что подтверждало первоначальные данные архитектора Л. С. Васильева. Однако, по ряду причин, только в 2004–2005 гг. была воссоздана первоначальная теплая трехмаршевая лестница на ее историческом месте и демонтирована воссозданная при реставрации. Так называемая парадная лестница как более поздний архитектурный элемент.

Остается восстановить две существовавших при Волконских двери в туалетных комнатах (однопольную и двухпольную) для завершения исторически достоверной планировочной структуры дома.

Судя по книге учета расходов, которую вела М. Н. Волконская, в 1850 г. производилась *перестройка* дома, которая обошлась в 2 тыс. руб. [18, оп. 1, д. 404, л. 1 об.].

Часть работ доделывалась позднее: 29 сентября 1852 г. была закончена постройка балкона (очевидно, при черной лестнице), за который было заплачено 35 руб. [18, оп. 1, д. 403, л. 15]. Речь шла о значительных, дорогостоящих перестройках, включая балкон (при общей стоимости иркутского дома в 10 тыс. руб. [18, оп. 1, д. 404, л. 1 об.]). Если помещение № 1 в Урике было сенями (где, по сведениям Е. Ю. Барановского, некоторое время существовал уриковский вход), далее помещение № 2 – лестничная клетка, то, выходит, «передняя» в доме – это комната № 3. К ней после перестройки перенесенного из Урика дома в Иркутск прибавились функции бильярдной перед кабинетом М. С. Волконского. Кабинетом сына декабриста оказывается помещение № 4.

Комнаты № 1 и № 2 (под лестницей), вероятнее всего, использовались еще и как гардеробные, поскольку на различные праздники и вечера в доме собиралось постоянно по 25–30 человек [105, с. 208; 257, с. 16], и должно быть место для больших плательных шкафов. В тупиковом, не проходном помещении № 1 мог размещаться уголок камердинера (им был у С. Г. Волконского Василий Вдовин) [18, оп. 1, д. 403, л. 8 об., 9; 8, оп. 1, д. 359, л. 24 а-24 а об.].

Верхний этаж, как уже было сказано, с 1 марта по 10 июня 1857 г. занимал Я. Д. Казимирский. В письме от 1 апреля 1857 г. он писал С. Г. Волконскому: «В Вашем доме и в комнатах Елены Сергеевны пишу к вам это письмо, почтенный друг Сергей Григорьевич. Я живу здесь уже 4 недели, которые пробежали скоро». И далее: «Славный вид с квартиры моей! Но в морозы было холодно в моей половине окнами в институт» [18, оп. 1, д. 202, л. 3, л. 4]¹.

Речь идет о комнатах второго этажа и левого крыла (на плане № 20–22), поскольку первое здание Девичьего института Восточной Сибири, о котором упоминается в письме, в то время еще располагалось слева дома Волконских, недалеко от современного здания городского автовокзала рядом с территорией бывшего Иркутского завода тяжелого машиностроения им. В. В. Куйбышева. Можно было бы утверждать на основании этого письма, что названные комнаты и есть комнаты Е. С. Волконской, но только в том случае, если бы Я. Д. Казимирский не снимал *весь* второй этаж. То есть второй этаж был целиком «половиной» Я. Д. Казимирского, в отличие от «половины» Извольских, занимавших первый этаж в это же самое время.

Приведенный отрывок из письма Я. Д. Казимирского представляется очень интересным с историко-психологической точки зрения. Этот документ содержит некую потаенную информацию, своего рода «второй план». Выявление этой скрытой информации, за неимением прямых свидетельств, определенным образом корректирует представления о функциональной нагрузке комнат второго этажа, – представления, основанного в данном случае исключительно на логических умозаключениях, с учетом историко-психологических нюансов взаимоотношений Волконских и Я. Д. Казимирского.

Яков Дмитриевич, близко знавший семью Волконских, с большим предубеждением относился к М. Н. Волконской. В трагической ситуации раскола в семье Волконских, главной причиной которого было ошибочное решение княгини выдать дочь за чиновника Д. В. Молчанова, Казимирский примыкал к группе, пытавшейся предотвратить этот брак. К этой же группе принадлежали также С. Г. Волконский с сыном и практически все жившие в Иркутске декабристы [32, с. 303–304]. В своей переписке Я. Д. Казимирский очень резко высказывался о М. Н. Волконской. Так, например, в его письме И. И. Пущину

---

¹ Речь идет именно о комнатах второго этажа с эркерами, ср. письмо М. К. Юшневской – И. И. Пущину от 16 июля 1847 г.: «Есть два фонарика, украшенные разноцветными стеклами. По обеим сторонам дома. Это много прибавляет величину комнаты. Не знаю я только, не прибавит ли это холоду зимою комнатам» [39, п. 4, д. 41, л. 19 об.].

от 17 сентября 1855 г. содержится весьма негативная характеристика княгини. Характерно в этом отношении письмо от 15 октября 1855 г., адресованное И. И. Пущину, где Я. Д. Казимирский прямо пишет: «Вас, меня, Сер[гея] Григор[ьевича], [А. В.]Поджио она терпеть не может с той знаменитой эпохи сватовства Мандарина; <...>» [39, п. 2, д. 5, л. 20; л. 26 об.]¹.

В письме к С. Г. Волконскому Я. Д. Казимирский не мог быть так прямолинеен, хотя пребывание Якова Дмитриевича в столь памятном ему доме не могло не оживить воспоминаний двухлетней давности. Казимирский находит более осторожную, почти нейтральную форму выражения своих чувств, говоря о «холоде» в половине, что обращена «окнами в институт», несмотря на то, что зимой помещение обогревалось большими печами. Такая осторожность была необходима еще и потому, что письмо могло попасть в руки самой Марии Николаевны. Но и в этом случае Я. Д. Казимирский избежал бы возможных неприятностей. Все приличия были соблюдены, хотя скрытый подтекст письма для посвященного не оставался тайной. Автор послания не называет имени той, которая жила в упомянутых комнатах, – самой Марии Николаевны Волконской. С момента переезда в свой иркутский дом она размещалась в комнатах второго этажа. «М[ария] Н[иколаевна] живет вверху», – писала М. К. Юшневская в письме к И. И. Пущину 16 июля 1847 г. [39, п. 4, д. 41, л. 19 об.]

Окна комнат № 20–22 раньше выходили в сад, устроенный Волконскими с левой части усадьбы. М. Н. Волконская о саде мечтала с момента переезда в Иркутск и до постройки собственного дома². Однако решающее доказательство расположения комнат М. Н. Волконской именно в этой части дома содержится в ее письме к сестре Е. Н. Орловой из Иркутска от 10 мая 1848 г.: «Чтобы дать вам доказательства заточения, в котором я нахожусь, скажу, что в первый раз, как я подошла к окну [после болезни. – Е. Я.], я удивилась, что вижу перед собой двухэтажный дом, совершенно новый, выросший рядом с нашим и выстроенный по тому же плану; его успели закончить и населить, пока я не выходила из дома» [29, с. 102].

Речь идет о соседнем доме, строительство которого началось еще в 1846 г., о чем сообщала Иркутская летопись: «20 июля в Иркутске, по 2 части, в приходе Преображения Господня, у почетного гражданина Ефима Андреевича Кузнецова была закладка дома на каменном фундаменте» [31, с. 285].

Усадьба Е. А. Кузнецова находилась на Институтской улице (в советское время – улица Октябрьской революции), в районе современного городского автовокзала. В 1847 г. усадьба перешла к чиновнику по особым поручениям при губернаторе А. В. Пятницком К. Я. Дарагану – другу декабристов, женой тому на племяннице Кузнецова [33, см. именной указатель]. Два внешне поч-

¹ «Мандарином» – китайским чиновником – декабристы называли Д. В. Молчанова [36, с. 270, 483–484].

² [36, с. 240]; [29, с. 102]: «Миша и Нелли ушли смотреть на пострижение монахини и обедают у Трубецких, которые живут недалеко от [Знаменского] монастыря. Они купили дачу Цейдлера, которую мне так хотелось приобрести из-за прекрасного сада» (выделено мною. – Е. Я.).

ти одинаковых двухэтажных дома (выстроенных «по тому же плану», как писала М. Н. Волконская) запечатлены на дореволюционных снимках старого Иркутска [27, с. 462 (илл. № 399); с. 463 (илл. № 400); с. 464 (илл. № 401); с. 465 (илл. 402)]. Из окон «половины» М. Н. Волконской в XIX в. эти здания были видны напрямую через Преображенскую площадь. Это место видно и сейчас, несмотря на современную застройку 1970-х годов.

Все вышесказанное убеждает в том, что комнаты М. Н. Волконской определены правильно.

Следовательно, комнаты Е. С. и Д. В. Молчановых, официальных хозяев дома, размещались в правом крыле второго этажа, над комнатой М. С. Волконского и бильярдной. Это самые светлые и теплые комнаты, что было немаловажно для Молчановых, у которых рос маленький сын Сережа. Бесспорно, что, при всей своей безграничной любви к сыну и дочери, М. Н. Волконская отвела им лучшие комнаты в доме. Окна половины Молчановых выходят прямо на Спасо-Преображенскую церковь, где они венчались. Такое совпадение вряд ли можно назвать случайным: Е. С. Волконская постоянно видела перед собою напоминание о святости супружеского долга. Быть может, это обстоятельство сыграло определенную роль в дальнейшем, когда Елена Сергеевна стойко переносила выпавшие на ее долю испытания, связанные с обвинением Молчанова во взяточничестве, его болезнью, помешательством и смертью под судом (лишь после смерти он был оправдан).

Осенью 1854 г. Молчанов предполагал заняться перестройкой дома. В это время Дмитрий Васильевич получил отставку по службе и вместе с женой собирался в Европейскую Россию. Декабрист И. Д. Якушкин с сыном Вячеславом сообщали И. И. Пущину из Иркутска в письме от 12-го ноября 1854 г.: «Перед отъездом он оставил план, по которому должен перестроиться дом Волконских с прибавлением семи комнат, на случай его возвращения из-за границы; <...>» [14, с. 396]. Но планы Молчанова не были осуществлены.

10 июля 1852 г. М. Н. Волконская писала А. М. Раевской о Молчановых: «У меня есть место за их столом и комната в их доме, и Сергей то же самое, оставляя в стороне некоторые стариковские причуды и привычку командовать, которые присущи его возрасту, – у меня даже и этого нет» [29, с. 111].

Выражение «комната в их доме» здесь употреблено скорее символически. Нетрудно заметить, что комнаты М. Н. Волконской (на плане – № 20–22) составляют маленькую анфиладу, в которую укладывается классическая схема 1820-х годов, эпохи молодости М. Н. Волконской. Одна за другой следуют кабинет-будуар (№ 20), «вседневная спальня» (№ 21) и туалетная комната, в данном случае совмещенная с гардеробной (№ 22) [24, с. 84–85].

Именно такая планировка была распространена в домах русского дворянства и в 1840-х гг. Обычно из спальни дверь вела «в туалетную или уборную», которые располагались в «небольшой проходной комнате, служащей дополнением к спальне» [44, с. 21].

«Молчановская половина» является зеркальным отражением «половины» хозяйки дома. Здесь также расположен «кабинет» (комната с эркером, № 18) и спальня (помещение с двойным окном, № 17). Помещение № 15 определяется как гардеробная (туалетная) Молчановых, симметричная туалетной комнате М. Н. Волконской (№ 22).

Однако «туалетная или уборная» Молчановых не соединяется в настоящее время дверью с бывшей супружеской спальней. По восстановленной при реставрации «парадной лестнице» с первого этажа в 1985–2004 гг. посетители попадали в бывшую «туалетную или уборную» Молчановых.

Невозможно представить, чтобы при Волконских была сооружена широкая парадная лестница специально для гостей, которые, поднявшись, попадали через веранду «зимнего сада» в... туалетную супружеской пары! Оттуда, кстати, в холл второго этажа ведет еще более узкая однопольная дверь. Это еще один аргумент в пользу внутренней трехмаршевой лестницы, которая из помещения № 2 вела в холл-развязку (№ 16).

Попутно отмечу, что при восстановлении планировочной структуры верхнего этажа дома Волконских не были воссозданы две двери.

Одна из них – двупольная, соединявшая спальню (№ 17) и туалетную Молчановых (№ 15). Судя по плану Сиропитательно-ремесленной школы начала XX в., бывшая молчановская спальня, превращенная в спальню для младших классов школы, уже не имела этой двупольной двери. Как показали натурные исследования 1974 г. (зондаж № 6), первоначальная перегородка этих смежных комнат к моменту реставрации была утрачена. Вот почему в 1974 г. никаких следов этой двери найти было нельзя. При отсутствии в то время полных исследований по назначению комнат предположить наличие такой двери по аналогии с «зеркальной» половиной М. Н. Волконской также было невозможно.

Другая дверь – однопольная. Ее следы были отысканы в 1974 г. (зондаж № 3). Это была техническая дверь из туалетной комнаты М. Н. Волконской (№ 22) в холл (№ 16), позволявшая прислуге производить необходимые приготовления и гигиенические перемены (для умывания и т. д.) автономно, не тревожа хозяйку постоянными перемещениями напрямик через хозяйскую спальню. Аналогичная дверь из туалетной Молчановых (зондаж № 5), расположенная зеркально, при реставрации была восстановлена. Необходимо восстановить и эти две двери: однопольную (из туалетной комнаты М. Н. Волконской № 22 в холл второго этажа № 16) и двупольную (из спальни Молчановых № 17 в семейную туалетную комнату № 15).

Возник вопрос по отсутствовавшей двери с площадки черной лестницы (№ 13) в зимний сад (№ 14). К сожалению, зондаж стены, отделяющей сад от площадки черной лестницы, не был отражен в научно-реставрационном отчете. При реставрации к 1985 г. там было воспроизведено одно внутреннее окно. Но так называемая парадная лестница (периода ремесленной школы)

демонтировалась, а попадать в «зимний сад» через бывшую туалетную Молчановых практически неудобно (что не исключало такого прохода при жизни Волконских, для членов семьи). В эпоху романтизма (1820–1840-е гг.), эклектики и историзма (1840–1880-е гг.) в Петербурге были распространены большие застекленные двери в зимние сады богатых особняков¹.

В доме Волконских, построенном, как вспоминал современник-очевидец, «по образцу лучших столичных барских домов» [13, с. 185], конечно, могло быть несколько скромнее, чем в Петербурге. Поэтому в 2004–2005 гг. была воссоздана дверь, аналогичная балконной двери площадки черной лестницы, с широкими ступенями в «зимний сад». Это не противоречило типологическому решению и строю повседневного быта в данный исторический период (для работы садовнику не надо было проходить через молчановскую туалетную комнату).

Очевидно, в одной из комнат второго этажа, вероятнее всего, у М. Н. Волконской, в 1854–1855 гг. жила приезжавшая к брату-декабристу в Иркутск фрейлина императрицы, вдова министра императорского двора фельдмаршала П. М. Волконского светлейшая княгиня Софья Григорьевна Волконская [31, с. 353].

Своеобразным было положение в доме самого хозяина-декабриста. С. Г. Волконский, «тяготая больше к деревне, проживал постоянно в Урике и только время от времени выезжал к семейству, но и тут – до того барская роскошь дома не гармонировала с его вкусами и наклонностями – он не останавливался в самом доме, а отвел для себя комнатку где-то на дворе, – и это его собственное помещение смахивало скорее на кладовую, потому что в нем в большом беспорядке валялась разная рухлядь и всяческие принадлежности сельского хозяйства; особенной чистотой оно тоже похвалиться не могло, потому что в гостях у князя опять-таки чаще всего бывали мужички, и полы постоянно носили следы грязных сапог». Такое положение сохранялось и в последующие годы [1, с. 263, 298–299].

Миссис Люси Аткинсон, посетившая Иркутск вместе со своим супругом художником Т. В. Аткинсоном в 1850–1852 гг., сообщала 3 января 1851 г. о М. Н. Волконской: «Дом, в котором она живет с детьми, просторен и удобен, но князь живет в комнате небольшой постройки во дворе» [46, с. 241]².

Из сохранившихся на усадьбе построек (флигелей), пригодных для жилья и реставрированных, наиболее подходит к этому упоминанию «людская изба» – одноэтажное строение сразу за господским домом. В правой ее части есть изолированное помещение с отдельным входом. Это и могла быть комната С. Г. Волконского, о которой говорится в приведенных выше свидетельствах современников.

---

¹ См.: [12, с. 166, илл. 268: «Столовая в Фермерском дворце в Петергофе [сер. XIX в.]. Акварель Э. П. Гау [1807–1887 гг.]»; с. 189, илл. 308: «Зимний сад в Зимнем дворце. Санкт-Петербург. [сер. XIX в.]. Акварель К. А. Ухтомского [1818–1881]»] и другие.

² Пер. с англ. Ф. И. Краснопольской (Иркутск).

В письмах Г. А. Трапезникова к С. Г. Волконскому есть еще не совсем ясные упоминания о флигелях на усадьбе, где жили, в одном случае – декабрист В. А. Бечаснов, в другом – преподаватель музыки и пения Девичьего института Восточной Сибири и домашний учитель Волконских итальянец Иосиф Борзатти [18, оп. 1, д. 245, л. 13 об., л. 15 об.]. В письме М. К. Юшневской к И. И. Пущину от 16 июля 1847 г. сообщается: «В обоих флигелях наверху чистые комнаты» [39, п. 4, д. 41, л. 20].

Среди реставрированных построек усадьбы (людская, каретник, конюшня, амбар с погребом, хлев-стойка) таких зданий, с «чистыми комнатами наверху», нет. Предположения архитектора Е. Ю. Барановского о том, что одноэтажный дом с каменным пристроем из песчаника по соседству имеет отношение к усадьбе Волконских, при дополнительных исследованиях не подтвердились. Из документов выяснилось, что это каменное здание из одной комнаты «с окнами на север» было прачечной Сиропитательно-ремесленной школы [5, л. 3 об., л. 133 об.].

Правда, при реставрации не была восстановлена еще одна постройка в углу двора около конюшни, отмеченная на плане 1862–1864 гг.¹ Возможно, это был второй (после людской) флигель «с чистыми комнатами наверху». Общий вид флигелей на усадьбе Волконских изменился в результате ремонтов и перестроек. На фотографии П. А. Милевского 1890-х гг. сквозь веранду зимнего сада при сильном увеличении видны детали мезонина на бывшей «людской» Волконских. В 1897 г. на бывшей усадьбе Волконских произошел сильный пожар, уничтоживший некоторые из надворных построек. Из документов видно, что кухня и небольшой лазарет были отстроены заново в 1897 г. Поскольку учебные мастерские – столярная и сапожная – были устроены ранее «в особом здании, приспособленном из-под конюшен» [5, л. 295 об.], можно предположить, что при восстановлении бывшей людской избы Волконских под кухню и лазарет в 1897 г. мезонин в этом помещении («чистые комнаты наверху») восстановлен не был. Но вопрос о флигелях требует дополнительных исследований.

«В обществе рассказывалось, что княгиня Волконская уговорила [мужа. – Е. Я.] по случаю предстоящего приезда сестры, занять одну из лучших комнат нижнего этажа и отделать ее поприличнее; он добродушно подчинился этому желанию, но не замедлил в этот богато убранный кабинет натаскать кос, подков и тому подобных принадлежностей сельского своего хозяйства и придать ему, к большому огорчению домашних, характер, никак не соответствовавший роскоши помещения» [1, с. 299].

Поскольку на первом этаже помещения № 3 и № 4 определены как бильярдная и кабинет сына декабриста, то, следовательно, «богато убранный кабинет» С. Г. Волконского – это либо комната № 7, либо комната № 6.

---

¹ Об этом плане 1862–1864 г. см.: [45, с. 115–133].

Когда, перед началом реставрации, архитектор Л. С. Васильев проводил зондажи (1974), то в помещении № 7 было обнаружено следующее: «По удалении штукатурки найдены зашитые досками два дверных проема (полости между досками зашивки были заполнены шлаком). Коробка левого проема (зондаж 3), старая в косяках и вершнике, уменьшена по высоте и имеет новый порог; коробка правого проема (зондаж 4) сохранилась без изменения. <...> Дверные косяки покрыты многослойной белой масляной покраской»¹.

При реставрации 1974–1985 гг. вторую, меньшую по высоте, дверь восстанавливать не стали, не найдя для нее сколько-нибудь подходящего объяснения. А меж тем она вела в темную комнату (№ 8), которая является проходной и связана с центральным помещением первого этажа (№ 5). Это в высшей степени характерный узел, свидетельствующий о том, что комната № 7 могла выполнять функцию столовой. Из архивных источников следует, что стол для гостей у Волконских накрывали на первом этаже².

К столовой обычно примыкала буфетная. И в данном случае, если помещение № 8 выполняло эту функцию, через существовавшую некогда малую дверь очень удобно было произвести перемену стола невидимо для гостей, собравшихся в парадной комнате № 5. Буфетная (№ 8) и столовая (№ 7), таким образом, оказываются расположенными в непосредственной близости от левой части людской избы, где при Волконских располагалась кухня (стояла большая русская печь), и через черный ход связаны с кухней кратчайшим маршрутом. Малая дверь из буфетной в столовую была восстановлена во время послеосадочного ремонта дома в 1988 г.

Столовая Волконских своим классическим устройством отвечает правилам хорошего тона, незыблемым на протяжении XIX в.: «Столовая в богатом, великолепном доме должна иметь большую дверь, отворяющуюся на две половинки» (1842) [25, с. 386–387]. «Она должна быть обращена к северу и иметь продолговатую форму; сообщаться с переднею она не должна, чтобы не было видно ни любопытных, ни прислуг, толпящихся там, и чтоб при отворении двери гости не чувствовали ни холода, ни сквозного ветра» (1889) [35, с. 303].

Сходная планировка была и в доме известного славянофила А. С. Хомякова в Москве, где в 1920-х гг. размещался «Бытовой музей 1840-х годов». Буфетная комната примыкала к залу, где проводились обеды [30, с. 217].

Значит, кабинетом С. Г. Волконского было помещение № 6, «одна из лучших комнат нижнего этажа», по словам Н. А. Белоголового. Эта комната

---

¹ Дом Волконских. Научно-проектная документация. Предварительные работы. Комплексные научные исследования. Зондажи №№ 3 и 4. Чертеж. 1 этаж. Декабрь 1974 года (исп. Л. С. Васильев). – Научно-технический архив СПР (Москва), инв. № 4807. М., 1986 [42].

² Письмо И. С. Мазаровича – М. С. Карсакову из Иркутска от 6 декабря 1851 г. [38, п. 102, д. 10, л. 3 об.].

до 1854 г. (времени приезда сестры декабриста), конечно же, была связана с приемами гостей¹, поскольку имеет автономный выход в сад.

Такое обстоятельство сыграло не последнюю роль в выборе помещения под кабинет С. Г. Волконского, жившего несколько вразрез с общим строем аристократического быта семьи. Этот главный психологический аргумент подтверждается и общими тенденциями эволюции интерьера в России к 1850-м гг., когда, на место следовавших друг за другом кабинета и спальни, приходят комнаты, совмещающие и то, и другое [30, с. 215–216; 24, с. 21; 178; 26, с. 101–102].

Именно таким образом решался кабинет М. С. Волконского, сына декабриста. Поскольку у С. Г. Волконского было еще одно, рабочее помещение (на усадьбе), то его кабинет в доме считался только парадным.

Еще одно подтверждение того, что кабинет С. Г. Волконского был на первом этаже, находим в письме Г. А. Трапезникова – С. Г. Волконскому из Иркутска от 27 марта 1857 г.: «Штубендорф прожил в Иркутске неделю, квартировал сутки у Вас внизу, <...>» [18, оп. 1, д. 245, л. 12]².

Расположение комнаты С. Г. Волконского на первом этаже было задано изначально еще в уриковский период дома. В «Воспоминаниях современников о декабристах, проживавших в Уриковском селении, записанных Ив. Ивановым», говорится прямо: «Князь жил в нижнем этаже» [28, с. 324].

При таком расположении двух мужских кабинетов возникает разумная симметрия на первом этаже, когда комнаты, предназначенные для сбора гостей (столовая № 7 и бильярдная № 3) и связанные с кабинетами, украшены яркой архитектурной деталью – тройными окнами типа «итальянских», только без полуциркульного люнета посередине из-за ограниченной высоты потолка. Разграничение внутреннего пространства дома на «мужскую» половину (нижний этаж) и «женскую» (верхний этаж) подтверждается свидетельством писателя И. А. Гончарова, побывавшего в доме Волконских в январе 1855 г.: «У князя <...> была своя половина, у княгини своя» [4, с. 494].

Комната № 10 имела подсобное значение как тамбур перед помещением № 9 – проходной галереей с выходом в сад. Вероятно, отсюда топились печь столовой (она примыкает к внутренней стене), и подогревались блюда для подачи к столу. И, если в доме должны были храниться дрова для растопки остальных печей, галерея была для этого подходящим местом. Дрова могли складываться и под черной лестницей (помещение № 12).

Большая гостиная первого этажа, или, как ее иначе называли, «зала» [18, оп. 1, д. 245, л. 15 об., 16], была «сердцем» культурной жизни Иркутска в 1847–1856 гг. Именно здесь устраивались музыкальные, литературные, театральные и танцевальные вечера. В этом убеждают несколько обстоятельств.

¹ Название «гостиная» встречается в одном из писем Г. А. Трапезникова [18, оп. 1, д. 245, л. 15 об.–16].

² Выделено мною. Е. Я.

Во-первых, это самая просторная парадная комната дома, откуда есть выход в сад (через помещение № 6).

Во-вторых, при реставрации здесь восстановлен камин, создававший уют при небольших вечерних собраниях (чтениях книг и т. д.)¹.

В-третьих, рядом с залой была бильярдная (комната № 3).

В-четвертых, в доме был «рояль Михаила Сергеевича» [18, оп. 1, д. 245, л. 1 об., 4–4 об, 10 об.–11; оп. 3, д. 217, л. 1], который, естественно, помещался на первом этаже, как и кабинет его хозяина.

И, наконец, в-пятых, по здравому рассудку лучше устраивать танцы не на втором, а на первом этаже, тем более, что максимальное количество танцующих пар у Волконских, судя по числу гостей (25–30 человек), достигало пятнадцати.

Назначение комнаты № 19 в настоящее время можно определить как библиотека. Из числа декабристов Волконские, наряду с Трубецкими, М. С. Луниным, Н. М. Муравьевым, располагали одним из крупнейших книжных собраний [34, с. 14, 15, 16, 141; 37, с. 233]. И хотя библиотечные комнаты в господских домах устраивались редко, наличие библиотеки у Волконских весьма характерно. Она располагается над гостиной – «залой». Таким образом, центральная часть дома Волконских несет основную смысловую нагрузку как его духовный центр.

У Волконских был «зимний сад», по имеющимся в музее данным². В этот исторический период мода на устройство небольших «зимних садиков» в богатых домах была распространена повсеместно. Декоративная зелень и цветы размещались в специальных жардиньерках, трельяжных ширмах и просто группировались около мраморных скульптур [24, с. 21; 41, с. 168–169; 26, с. 105–106].

Документально известно, что у Волконских росли камелии, туберозы, фуксии, розы, кактусы, глоксинии, амариллисы, выписанные декабристом П. А. Мухановым. Зимний сад Волконских – еще одна характерная отличия

---

¹ С камином, воссозданном при реставрации в гостиной-зале первого этажа, существует следующая проблема. По воспоминаниям иркутянки Т. Ф. Романовой (ур. Орловой, 1915–2003), которая посещала дом Волконских в 1930–1931 гг. (рукописные воспоминания, со слов ее дочери, Г. К. Романовой хранятся в Научном архиве ИОИММД), высокий камин с решеткой был на втором этаже в средней большой комнате, в печи над камином, воссозданном при реставрации. Камин в парадной зале-гостиной на первом этаже имеет некоторое неудобство в расположении, против правил хорошего тона: «Существенным предметом в гостиной комнате <...> считается камин, <...> с удобными низкими стульями, которые, вместе с прочею мебелью для сиденья, расположены пестрым рядом по обеим сторонам камина так, чтобы образовали <...> удобный кружок для разговора гостей» [35, с. 302]. По этим правилам, самые почетные места находятся справа и слева от каминного зерла (место напротив предназначено для человека, в обязанности которого входит следить за огнем, подбрасывать дрова и орудовать кочергой). Но если справа от камина такое почетное место сейчас можно устроить, то слева от камина находится дверь из залы в приемную (бильярдную). Почетное место на проходе организовать невозможно.

² Налетова Т. В. Дом Волконских в Иркутске. Доклад. Рукопись (1970-е) [42].

тельная черта дома. Вероятно, большая часть растений располагалась на застекленной веранде второго этажа (на плане – помещение № 14).

Основополагающее значение для разработки художественного решения экспозиции в доме Волконских имеет документально точное определение цветовой гаммы интерьеров.

В процессе реставрации было установлено: «В обоих этажах стены гладко отесаны и первоначально были обмазаны смесью глины и конского навоза с последующей побелкой. Вслед за этим были наклеены бумажные обои (в верхней гостиной их два слоя)»¹.

Такое решение интерьеров полностью соответствует традициям 1830–1840-х гг. До распространения моды на обои стены комнат жилищных домов окрашивались «желтой вохрою, яркою медянкою, лазуревою или малиновою краскою» [41, с. 48]. Следовательно, и в Урике, и в Иркутске первоначально комнаты в доме Волконских были беленые (или окрашенные) и лишь потом оклеены обоями.

По архивным документам установлено, что последующие владельцы дома неоднократно переклеивали бумажные обои. Так, снимавший нижний этаж с 8 марта 1857 г. П. А. Извольский «комнаты оклеил новыми обоями» [18, оп. 1, д. 245, л. 10, 13 об.].

Желание «переменить внизу в трех комнатах, т. е. в зале, гостиной и кабинете обои», которые «довольно загрязнились и полопались», было в марте 1860 г. и у снимавших дом Шелашниковых [18, оп. 1, д. 245, л. 15 об.–16].

Сохранившиеся под слоем позднейших набелов и штукатурки фрагменты обоев были наклеены непосредственно первым слоем либо, как уже говорилось, на обеленную обмазку стен, либо на страницы «Journal de Francfort» («Франкфуртской газеты») за 1845 г., наклеенные непосредственно на деревянную тесаную стену (значит, в Урике стены были простыми, деревянными, без штукатурки?). В верхней гостиной между первым и вторым слоем обоев были обнаружены остатки немецких газет более позднего периода (примерно 1860–1880-х гг.).

В настоящее время музей располагает тремя фрагментами бумажных обоев Волконских. Их стилистический, колористический и тому подобный анализ, проведенный крупным специалистом по обоям первой половины XIX в. И. А. Киселевым (Москва), убеждает в подлинности этих фрагментов и соответствии времени жизни Волконских в Иркутске.

Волконские оклеили комнаты обоями в апреле 1854 г. (22 апреля того же года столяр Карл получил за эту работу 25 рублей) [18, оп. 1, д. 403, л. 35 об.], вероятно, к приезду сестры декабриста – Софьи Григорьевны Волконской, прибывшей в Иркутск в июле 1854 г.

---

¹ Дом Волконских. Научно-проектная документация. Эскизный проект. Т. 2. Пояснительная записка к проекту восстановления, л. 13. М., 1986. Научно-технический архив СПР (Москва), инв. № 4811 [42].

Один из фрагментов с хорошо сохранившимися синими полосками по серому фону был снят со стены одной из комнат М. Н. Волконской (кабинет № 20). Полосатые обои – излюбленные обои эпохи ампир [30, с. 209; 199, с. 14, 18; 41, с. 53], эпохи молодости М. Н. Волконской. Их присутствие на половине хозяйки в доме чрезвычайно симптоматично. К тому же продольные полоски оптически увеличивали высоту потолков, так как второй этаж дома ниже первого. Средняя высота первого этажа дома Волконских (по данным техпаспорта) ~ 3,35 м, а второго ~ 2,80 м.

Спальня М. Н. Волконской (№ 21) может быть решена обоями такого же полосатого рисунка, но другого цвета. Наиболее распространенная окраска хозяйских комнат – кабинетов и спален – начиная с конца XVIII и до середины XIX в., зеленая [22, с. 47; 21, с. 230]. Зеленый цвет нравился и самой М. Н. Волконской, о чем можно судить по тому факту, что стены камеры в тюрьме Петровского Завода она обтянула своими бывшими присланными из России занавесями, которые были зеленого цвета [40, с. 340; 15, с. 245]¹.

Другой фрагмент обоев, цветочного рисунка, весьма характерного для середины XIX в., когда в орнаментике преобладало подражание мотивам XVIII в., имеет охристый оттенок со следами белого и ультрамаринового цвета. Этот ультрамариновый цвет являлся исходным, впоследствии нейтрализованным до охристого под слоем поздней штукатурки. Обнаружены были цветочные обои на первом этаже в глухой комнате № 2, примыкающей к бильярдной, а также в комнате № 7 (столовая) при зондаже Л. С. Васильева в декабре 1974 г.: «Между проемами [двух дверей в стене с печью в столовой. – Е. Я.], с вост[очной] стороны, под дранкой, на тесанных бревнах сруба сохранились остатки бумажных обоев (белое с ультрамарином) с подложкой из белой бумаги. Поверхность дерева под обоями имеет следы обмазки (конский навоз с глиной) и последующей известковой побелки»².

С большой степенью достоверности возможно определить цветовую гамму кабинета М. С. Волконского. Его знакомый чиновник Н. В. Буссе, снимавший кабинет некоторое время после отъезда Волконских из Иркутска и хорошо знавший дом Волконских при первых хозяевах, писал С. Г. Волконскому 18 мая 1857 г.: «Мне хочется несколько прилично убрать свой кабинет. Мебель я заказал здесь, но драпировку хотел бы получить из России. Будьте добры, закупите для меня на 3 окна и одну дверь зеленой шерстяной материи, совершенно такой же и того же прекрасного зеленого цвета, которая так красиво драпировала кабинет Миши. Я не знаю, сколько стоит эта материя, а потому посылаю примерно 75 р.; всего надо кажется не менее 40 аршин, а также кисти и баграмент» [18, оп. 1, д. 138, л. 11–11 об.]. Из этого можно за-

¹ Воспроизведение в цвете рисунка камеры Волконских в тюрьме Петровского Завода.

² Историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске». Усадьба Волконского. Главный дом. Научно-проектная документация. Предварительные работы. Комплексные исследования. Т. 1. Зондажи. М., 1986. Научно-технический архив СПР, инв. № 4807 [42].

ключить, что и обои в кабинете М. С. Волконского (№ 4) тоже были зеленого цвета, согласно эстетическим канонам и нормам того времени, когда драпировки обычно подбирались в тон обоям. Такое решение не выходит за рамки типологического.

Рисунок цветочного характера использован как основа при воссоздании зеленых обоев в кабинете М. С. Волконского (№ 4), а также бильярдной (№ 3) и парадном кабинете С. Г. Волконского (№ 6). Хотя, что касается последних двух помещений, возможен вариант их оформления обоями, фрагментов которых не сохранилось и которые известны по описаниям нескольких лиц, видевших их остатки в очень плохом состоянии в 1974–1975 гг. (свидетельства иркутских художников Н. Домашенко, А. Муравьева, В. Соколова, В. Димова). Это были обои красного цвета с рисунком в виде овалов с крестиками по центру, расположенных в шахматном порядке. Со временем так можно по колориту решить бильярдную, а парадный кабинет С. Г. Волконского – в более спокойных, зеленых тонах.

Третий сохранившейся фрагмент обоев, самый красивый и сложный, включает в себя характерные для эпохи второго рококо (середина XIX в.) цветочные мотивы, рокайльные завитки, волюты в серебристо-голубой и серой гамме. Он также был снят со стены темной комнаты № 2 на первом этаже, примыкающей к залу. Его рисунок, цветовая гамма, совпадающая с общепринятой для залов дворянских домов середины XIX в. [22, с. 47], позволяют использовать этот фрагмент для воссоздания в будущем колористического решения зала Волконских со сравнительно высокой степенью приближенности к первоначальному¹.

В настоящее время нет данных для восстановления первоначального колористического решения комнат Молчановых, библиотеки (второй этаж), буфетной (первый этаж). Поэтому при создании музейной экспозиции на первое время эти помещения колористически были решены по типологическому принципу, до обнаружения более конкретных свидетельств.

То же касается и комнат подсобного характера, проходных. При работе над строительством экспозиции они не оклеивались обоями, но были окрашены в нейтральные, скромные, серые тона, как было принято [41, с. 53]. Серый тон удобен как экспозиционный фон и по музейным соображениям.

Зондаж, проведенный Л. С. Васильевым в августе 1974 г., показал: «Потолки были сделаны из чисто остроганных досок. На стыке стены и потолка, в верхнем этаже, найден кусок деревянного профилированного карниза»². Именно так потолки были восстановлены на втором этаже.

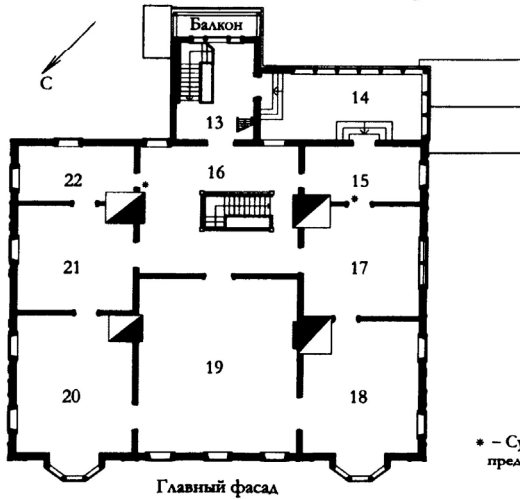
---

¹ В экспозиционном решении 1980-х гг гостиная–«зала» решена в бруснично-бордовой цветовой гамме, поскольку обои красного цвета также были найдены при зондажах 1970-х гг. (см. сведения В. Димова и др.)

² Пояснительная записка к проекту восстановления [дома Волконских]. – Научно-проектная документация. Эскизный проект. М., 1986. Т. 2. Л. 13. Машинопись [42].

Дом Волконских в Иркутске (пер. Волконского, 10)

План второго этажа

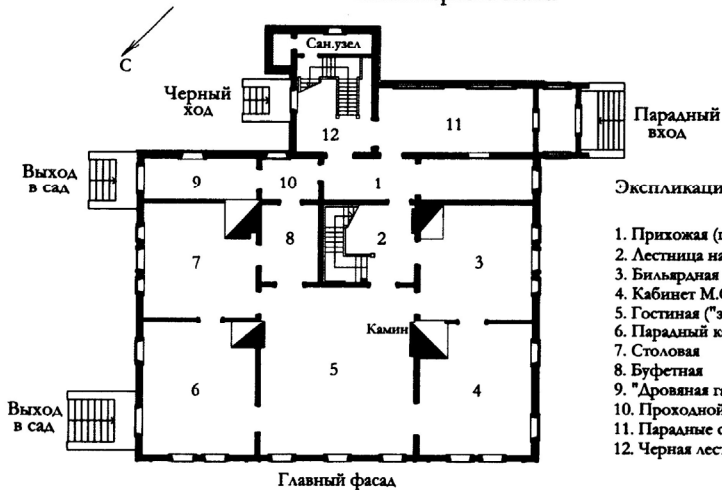
Экспликация:

- 13. Черная лестница
- 14. Зимний сад
- 15. Гардеробная (туалетная)
- 16. Холл – "развязка"
- 17. Спальня Молчановых
- 18. Кабинет Молчановых
- 19. Библиотека
- 20. Кабинет – будуар М.Н.Волконской
- 21. Спальня М.Н.Волконской
- 22. Гардеробная (туалетная)

* – Существовавшие ранее дверные проемы, предполагаемые к восстановлению

Дом Волконских в Иркутске (пер. Волконского, 10)

План первого этажа

Экспликация:

- 1. Прихожая (гардеробная)
- 2. Лестница на второй этаж
- 3. Бильярная (приемная)
- 4. Кабинет М.С.Волконского (сына)
- 5. Гостиная ("зала")
- 6. Парадный кабинет С.Г.Волконского
- 7. Столовая
- 8. Буфетная
- 9. "Дровяная галерея" (кухня)
- 10. Проходной тамбур
- 11. Парадные сени
- 12. Черная лестница

Илл. 51 (а, б)

Функциональное назначение комнат по результатам научных исследований

На первом этаже было иначе. Удалось выявить письмо Г. А. Трапезникова из Иркутска от 12 марта 1860 г., где он пишет С. Г. Волконскому: «Кроме того, в зале начала отваливаться с потолка штукатурка, и значительными кусками, ну это еще не великий расход, поправим» [18, оп. 1, д. 245, л. 16]. Следовательно, потолки лучших, парадных комнат первого этажа дома Волконских были оштукатурены. На основании этого документа, во изменение первоначального проекта восстановления, при завершающей стадии реставрации дома Волконских (летом 1985 г.) было произведено оштукатуривание потолков парадных комнат дома (приемная, зала, столовая и два мужских кабинета).

Других свидетельств по колористическому решению интерьеров дома Волконских к настоящему времени не выявлено.

Что касается экстерьера, то окраска особняка (серый объем стен цвета так называемой «николаевской шинели» и белые элементы декора) восстановлена документально. Остатки такой расколеровки были обнаружены при реставрации дома. Защищенные от неблагоприятного внешнего воздействия, следы покраски сохранились под досками позднейшей (1860-х гг.) пристройки со двора словно в «законсервированном» виде¹.

Характерно, что дом декабриста А. З. Муравьева в д. Малая Разводная под Иркутском запомнился местным крестьянам как «красивый, *серый* с колоннами и террасой на реку» [189, с. 190]².

Серый окрас стен с белыми элементами декора отличает и дом декабриста П. А. Муханова в Иркутске (его окраска восстановлена по натурным изысканиям 1986 г.).

В 1816 г. «Комиссия для строения города Москвы», образованная в 1813 г. после знаменитого пожара старой столицы в период Отечественной войны, предписывала окрашивать деревянные, обшитые тесом или оштукатуренные дома и заборы светлым колером. Рекомендовались цвета «бланжевой» (телесный), «палевой и с прозеленью», а также «дикой» – светло-серый. Примерно такая же система окраски городских домов распространилась и в провинции [41, с. 25, 28]. В отличие от «старой столицы» иркутяне называли светло-серый цвет не «дикой», а «дымчатый»: так значится в контрактах на покраску домов в Иркутске 1840-х гг.³

Выводы. Данные исследования по определению функциональной нагрузки помещений дома Волконских, внешнего вида интерьеров и экстерьера с целью музеефикации этого историко-архитектурного памятника, отражающие уровень сегодняшних знаний о доме Волконских, могут быть положены в основу научной концепции, тематико-структурного и тематико-экспозиционного планов основной экспозиции.

---

¹ Барановский Е. Ю. Пояснительная записка // Историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске». Дом декабриста С. Г. Волконского, XIX в. Проект покраски фасадов. – Научно-исследовательский архив объединения «Росреставрация». М., 1977. Инв. № 521 (шифр 113). Л. 2–3 [42].

² Выделено мною. Е. Я.

³ См., например, контракт № 134 от 16 мая 1847 г. на покраску дома [9, оп. 1, кар. 11, д. 45, л. 69 об].

1. Белоголовый Н. А. Воспоминания сибиряка. Из детских лет // М. С. Знаменский, Н. А. Белоголовый. Исчезнувшие люди : повести, статьи, воспоминания. Воспоминания сибиряка / сост. тома, примеч., послесл. Н. Н. Александровой и Н. П. Матхановой. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. – С. 235–308.
2. ...В окрестностях Москвы: Из истории русской усадебной культуры XVII–XIX веков / сост. М. А. Аникст, В. С. Турчин. – М. : Искусство, 1979. – 400 с.
3. Волконский С. Г. Записки / Изд. подгот. А. З. Тихантовской, Н. Ф. Караш, Б. Н. Капелюш. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. – 512 с. – (Полярная звезда).
4. Гончаров И. А. По Восточной Сибири: В Якутске и в Иркутске // Собр. соч. : в 8 т. – М., 1978. – Т. 3. – С. 473–497.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО) Фонд 70 (Иркутской городской думы). Оп. 3. Д. 734. – Присоединение Сиропитательно-ремесленного училища к Ремесленно-воспитательному училищу Н. П. Трапезникова. 1864–1911 гг. – 452 лл.
6. ГАИО, Фонд 293 (Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества). Оп. 1. Св. 3. Д. 32. – О пожертвованиях музею ВСОРГО, 1883 г.
7. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Св. 7. Д. 87. – Переписка членов ВСОРГО, 1890-е гг.
8. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 359. – Письмо И. А. Евсенина, 1914 г.
9. ГАИО. Ф. 447 (Иркутского городского маклера). Оп. 1. Кар. 11. Д. 45.
10. ГАИО. Ф. 774 (Свербеевых). Оп. 1. Д. 4. Д. 44. Д. 50 (св. 2). Д. Фонд 72. Д. 82. Д. 104. Д. 190 (св. 4).
11. Декабристы / Летописи Гос. литературного музея. – М., 1938. – Кн. 3. – 566 с.
12. Демиденко Ю. Интерьер в России: Традиции: Мода: Стиль / Ю. Демиденко. – СПб. : Аврора, 2000. – 255 с.
13. Дум высокое стремление: Декабристы в Сибири / сост., предисл, послесл. и коммент. С. Ф. Ковалю. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. – 336 с.
14. Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина / ред. и коммент. С. Я. Штрайха. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – 740 с. – (Лит. памятники).
15. Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев / И. С. Зильберштейн. – 3-е изд., доп. – М. : Изобраз. искусство, 1988. – 680 с.
16. Зимин П. История фортепиано и его предшественников / П. Зимин. – М. : Музыка, 1968. – 215 с.
17. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии Наук (Санкт-Петербург), отдел рукописей (ОР ИРЛИ (ПД) РАН). Фонд 57 (Волконских). Оп. 1. Д. 138. Д. 202. Д. 245. Д. 385. Д. 403. Д. 404, Оп. 3. Д. 19. Д. 217;
18. ОР ИРЛИ (ПД). Фонд 187 (Л. Б. Модзалевского). Оп. 1. Д. 72.
19. Каспаринская С. А. Мемориальные музеи исторического профиля // Историко-революционные и литературные мемориальные музеи. – М., 1973. – Тр. 12 / МК РСФСР, НИИ культуры. – С. 3–87.
20. Кириченко Е. Русский интерьер 30–60-х годов 19 столетия // Декоративное искусство. – 1970. – № 7. – С. 39–45.
21. Киселев И. Обои Московского ампира // Панорама искусств-77. – М. : Сов. художник, 1978. – С. 228–232.
22. Киселев И. Обои XVIII–XIX веков // Декоративное искусство СССР. – 1979. – № 4. – С. 46–48.
23. Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири: Очерки / Б. Г. Кубалов. – Иркутск : Иркут. губерн. архивбюро, 1925. – 217 с.
24. Кучумов А. М. Убранство русского жилого интерьера XIX века: По материалам выставки в Павловском дворце-музее / А. М. Кучумов. – Л. : Худож. РСФСР, 1977. – 304 с.

25. *Лаврентьева Е. В.* Светский этикет пушкинской поры / Е. В. Лаврентьева. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 1999. – 640 с.
26. *Логвинская Э. Я.* Интерьер в русской живописи первой половины XIX века / Э. Я. Логвинская. – М. : Искусство, 1978. – 119 с.
27. *Медведев С. И.* Иркутск на почтовых открытках, 1899–1917 : историко-библиогр. альбом-каталог / С. И. Медведев. – М. : Галарт, 1996. – 643 с.
28. *Муравьев А. М.* Записки и письма / А. М. Муравьев ; изд. подгот. Г. Г. Лисицыной, Э. Н. Филипповой. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1999. – 416 с. – (Полярная звезда).
29. Неизданные письма М. Н. Волконской / предисл. и примеч. О. И. Поповой. – М., 1926. – 142 с. – (Тр. / Гос. Ист. Музей; Вып. 2).
30. *Николаев Е. В.* Классическая Москва / Е. В. Николаев ; Ин-т истории искусств МК СССР. – М. : Стройиздат, 1975. – 263 с.
31. *Пежемский П. И., Кротов В. А.* Иркутская летопись / П. И. Пежемский, В. А. Кротов ; с предисл., добавл. и примеч. И. И. Серебренникова. – Иркутск : Паровая тип. И. П. Казанцева, 1911. – 418 с. – (Тр. / Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва; № 5).
32. Письма политических ссыльных в Восточной Сибири (кон. XVIII – нач. XX в.). – Иркутск, 1978. – 360 с.
33. *Поджио А. В.* Записки, письма / А. В. Поджио ; изд. подгот. Н. П. Матхановой. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. – 595 с. – (Полярная звезда).
34. *Полищук Ф. М.* История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске (конец XVIII века – февраль 1917 года) / Ф. М. Полищук. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1983. – 168 с.
35. Правила светской жизни и этикета. Хороший тон : сборник советов и наставлений на разные случаи домашней и общественной жизни / сост. Юрьев и Владимирский. – СПб, 1889. – (Репринтное изд. М.: РИА «Рипол», 1991). – С. 303.
36. *Пушин И. И.* Записки о Пушкине : письма / редкол.: В. Вацуро [и др.] ; вступ. ст., сост. и коммент. М. Мироненко и С. Мироненко. – М. : Худож. лит., 1988. – 559 с.
37. *Розен А. Е.* Записки декабриста / А. Е. Розен ; изд. подгот. Г. А. Невелевым. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. – 480 с. – (Полярная звезда).
38. Российская Государственная библиотека (Москва), отдел рукописей (ОР РГБ) Фонд 137 (Корсаковых), К. 102. Д. 10. Д. 12. К. 117. Д. 30.
39. ОР РГБ, Фонд 243 (Пушиных). П. 2. Д. 5. П. 4. Д. 41.
40. Своей судьбой гордимся мы / сост., авт. предисл., послесл. и коммент. М. Сергеев. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. – Изд. 2-е, доп. – 352 с.
41. *Соколова Т. И.* Глазами современников: Русский жилой интерьер первой трети XIX века / Т. И. Соколова, К. А. Орлова. – Л. : Художник РСФСР, 1982. 184 с.
42. Текущий научный архив ИОИММД.
43. *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма. Т. 1. Дневник и письма / М. А. Фонвизин ; изд. подгот. С. В. Житомирской и С. В. Мироненко. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. – 480 с. – (Полярная звезда).
44. *Шапошников Б. В.* Бытовой музей сороковых годов [XIX века] : путеводитель / Б. В. Шапошников. – Изд. 2-е. – М., 1925. – 37 с.
45. *Щербин В. Т.* О плане Иркутска 1865 года, предшествующей планографии и топонимике города // Изв. АЭМ «Тальцы». – Иркутск, 2004. – Вып. 3. – С. 115–133.
46. Atkinson [Lusie], Mrs. Recollections of Tartar Steppes and their inhabitants. – London, 1863. – 625 pp.

Museum Formation of Evgeny Yachmenev

T. A. Pertseva

Irkutsk State University, Irkutsk

The article considers research work done in 1957–2008 by E. A. Yachmenev, the director of the Irkutsk Regional Memorial Decembrists Museum, on rooms attribution in the house of Volkonsky.

Key words: E. A. Yachmenev, museum, the Decembrists, the Volkonsky, the Trubetskoy, attribution, scientific concept, exposition.

Перцева Тамара Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета, 664025, Иркутск, ул. Чкалова, 2, тел. 8(3952)240523, e-mail: pta_999@mail.ru

Pertseva Tamara Alekseyevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Russia, the Irkutsk State University, 664025, Irkutsk, Chkalov St., 2, phone 8(3952)240523, e-mail: pta_999@mail.ru